

ГЛАВА 12

Пурга

Итак, в последующей послепушкинской российской истории мы не находим подтверждения выводам Достоевского, сделанным им из романа «Евгений Онегин». Обманутая «красота» пошла за «скитальцем» строить безбожный придуманный мир, даже не понимая того, что тот, изнывая от скуки, разыграл с ней шутку. Если слово «разыграть», сказанное в отношении российской литературы, смущает читателя, я готов объяснить.

Мне кажется, что бесы в мире поступают так, как пожизненные уголовники в зонах: прежде разыгрывают доверившемуся им новичка, а потом, вдоволь насмеявшись, бьют и унижают его. Чем же была разыграна «красота», т.е. праведная жизнь? Идеей коммунизма. Есть и другая причина употребления мною слова «разыграть». Она взята из стихов 7-ой главы «Евгения Онегина»: *«Пою приятеля младого / И множество его причуд»* (курсив Пушкина, - Г.С.). Причуды, шутки, розыгрыши, приколы – ягоды одного поля, хотя и созревают в разное время. Прежде созревает «причуда», потом «розыгрыш», потом «прикол». (*) Смущает слово «розыгрыш»? Замените его словом «причуда». Суть происходящего от этого не изменится.

Итак, разыграна была «красота» «скитальцем», и огромная роль в разыгрывании этой причуды принадлежит поэту Пушкину. Вот как об этом говорит Достоевский: «Все /.../ сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Вновь обратимся к Пушкинской речи Достоевского. «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. (Интересно, понимал или не понимал Достоевский, что словом «нива» он не только спародировал слова Господа: *жатвы много, а делателей мало* (Мф.9:37), но и противостоял Ему, перенаправляя и без того немногочисленных работников духовной нивы на ниву художественную. – Г.С.). Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни».

В Ваши дни, Федор Михайлович, эти таланты не проявились так ярко и с такой силой, как расцвели они уже в наши дни. В Ваши дни была царская цензура, затем, в советское время социалистическая идеология строго следила за воспитанием талантов, и только в наши демократические дни согласно главному закону РФ, отменившему всякую цензуру (**), открылась полная свобода самовыражения. Сколько угодно и над чем угодно смейся, паяц. Кругом смех, обман и подделка.

(*) Слово «прикол» родилось в уголовной среде и означает легкий укол ножом ради смеха.

(**) Последняя Конституция Российской Федерации гласит: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» (ст.29, п.5). Позволю себе заметить, что закон, который отменяет цензуру, по сути отменяет сам себя, ибо что закону охранять, когда нет цензуры?

«Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя,

они стоят, как изваянные. (Я плохо понимаю эти слова Достоевского, а вы, читатель, понимаете? В чём правда-то? Правда в выдумке? Правда в неправде? – Г.С.) /.../ О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта».

Я в полном недоумении от этих слов. Тип русского инока-летописца не выдумка? А что же он тогда? Этот тип, говорит Ф.М., изваян и поставлен перед нами Пушкиным навеки. Хорошо, если он не выдумка, то покажите мне его руки и ноги. Покажите мне его кости, живые или мертвые. Но эти типы никогда не покажут своих рук, как показал их Фоме Господь, уверив его, а с ним и всех нас в Своём воскресении, потому что эти типы – выдумка. А мне говорят: «Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта». Кто-то сходит с ума: я или Достоевский? (*) Этот «тип» именно фантазия, именно идеализация поэта. А мне говорят обратное. Могу ли я помолиться этому «типу» инока-летописца? Могу ли обратиться за помощью к пушкинскому «отцу Пимену» из «Бориса Годунова», как обращаются к святой жизни человеку, живому или умершему, тому же Преподобному Нестору Киево-Печерскому? Нет, не могу, потому что он сочинён поэтом, отец Пимен – вымысел.

(*) «Несомненно, не Федор Михайлович», - ответили автору на его вопрос. Вот-вот, потому автор и поставил себя первым на проверку.

«Вы созерцаете (не лучше ли в таком случае вместо слова «созерцаете» сказать «галлюцинируете»? - Г.С.) сами и соглашаетесь: да, это есть, (где есть? на бумаге? да, на бумаге есть, и образ в голове тоже есть, но в жизни-то их нет! - Г.С.) стало быть и дух народа, его создавший есть (тип инока-летописца создал не народ, но воображение Пушкина. – Г.С.), стало быть и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека».

Как в доме Облонских, всё смешалось в моей бедной голове. Только Священное Писание и может прояснить поднятую Ф.М. уже не метель, но словесную пургу. Первое, что хочется спросить: как можно, исходя из выдумки, судить о жизненной силе? А ведь именно так мыслит Ф.М., когда пишет, что, если есть великий образ, значит, есть великая сила. Неужели сила народного духа заключается в том, чтобы выдумывать типы и образы? Я отчасти понимаю, что хочет сказать Ф.М. Он хочет сказать, что если есть в народе великие Божии угодники, значит, есть народная сила, их породившая. Вернее было бы сказать иначе, т.е. поблагодарить Бога, давшему русскому народу великие Образы, носящие на себе Первообраз, в лице Своих угодников. Но тогда так и надо говорить. При чём тут Пушкин и его «типы»? И чтобы убедиться в существовании Божиих угодников вовсе не обязательно открывать художественные книжки, надо открыть их Жития, или пойти к их мощам в ту же Киево-Печерскую Лавру, или к их иконам в храме.

И потом, если даже и слышится «повсюду у Пушкина вера в русский характер», то может ли быть спасение от этой веры? Вера в Бога спасает, а «вера в русский характер, вера в его духовную мощь» не может спасти, потому что *не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения* (Пс.145:3). (*) А нам из ложного посыла, будто вера в духовную мощь есть

хорошая и верная вера, ложно заключают: «а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека». Эти слова противоречат Божественной правде, потому что *не спасается царь многою силою, и исполн не спасется множеством крепости своея* (Пс.32:16).

«Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности».

Что ж, вникнем с Божией помощью в третий период пушкинского подвига, но прежде вникнем в содержание абзаца, в котором «наша вера в нашу русскую самостоятельность» уже, как знамя, воздвигается над головами читателей. Не этой ли веры «символ» спустя полвека окончательно сформулирует другой «пророк Есенин Сергей» (***) самим названием своей поэмы – «Инония»? Что же иного сообщает нам инонный пророк? Ничего. Всё та же застарелая, 7500-летняя, брызжущая слюной гордыня.

«Новый на кобыле

Едет к миру Спас.

Наша вера – в силе.

Наша правда – в нас!» (1918)

Прочитав этот есенинский стих, нельзя не вспомнить созвучных ему, но прямо противоположных по смыслу слов. Нельзя не вспомнить знакомого со школьной скамьи (интересно, знают ли его нынешние школьники?) боевого клича святого князя Александра Невского: «Братья! Не в силе Бог, а в правде».

(*) Как можно было перевести этот стих по-русски в форме единственного числа: «не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения»? Неужели синодальные переводчики не знали, кто в Евангелии называется Сыном Человеческим?

(**) «Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей». Если «подвигоположника» литературных «откровений» Пушкина надо было пророком провозглашать, то последующие поэты сами себя таковыми провозглашали. Спрашивается, почему же Вы себя, Сергей Александрович, только пророком объявили? Почему не богом? «Подождите, скоро придёт к вам тот, кто объявит себя богом».

Какая мудрость в этих словах! Нет Бога ни в нашей, ни во вражьей силе. Он – в правде. В чьей? Опять же: ни в нашей, ни во вражьей, но в Своей. А иной правды кроме Божией попросту нет. Нет правды человеческой. Есть только стремление человека к Божией правде, и в случае такого стремления человек может быть назван праведным. Если же стремления к Божией правде у человека нет, тогда он суетен и лжив. И не спасёт его великое имя православный, ибо не тот православный, кто таков по наружности, и не то крещение, которое наружно; как не спасло в своё время иудеев их именование, *ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога* (Рим.2:28,29).

Великий князь Александр Ярославич не сказал: Бог в нашей правде, хотя это хочется сказать. Но он не сказал слова «нашей», потому что «наша правда» это ещё далеко не Божия

правда. Чтобы «наша» правда стала Божией, надо стремиться к Богу, а не к суете. Иначе выйдет по писанному во Псалтири: *Сынове человечести, доколе тяжкосердии; вскую любите суету, и ищете лжи; И уведите, яко удиви Господь преподобного Своего* (Пс.4:3,4). Господь «удивил преподобного Своего» (в синодальном переводе: *Господь отделил для Себя святого Своего*), т.е. сделал дивным, прославил и возвеличил на весь белый свет благоверного князя Александра Невского, и православные храмы в его честь стоят по всему миру.

Однако как чудовищно всё переменялось в русских головах со времён произнесения этого победного клича. В 1240-м «правда – в Боге», а в 1918-м «правда – в нас». В чём же причина такой подмены? Может быть в том, что, когда в 1240 году бились с немцами на Неве, то не на кого было уповать, кроме как на Бога. А когда в 1700 году вместе с немцами заложили город на Неве, то на кого уповали? Чего хотели? Чего желали? Правды Божией? Или правды своей?

«В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни, (*) -

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности», - пишет Ф.М.Достоевский. Вникнем в смысл этих слов. В надежде славы чьей? Если Божией, то так и надо было написать. В надежде добра какого? Божественного? Или своего добра? Нас, верующих, мать Церковь научила понимать, что такое добро. Действительно, без церкви, без её служб, без святоотческого учения я бы никогда не понял, что *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс.118:71). Как? Смирил, унизил, наказал? Разве же это благо? Да, для человека это благо, т.е. высшее добро (**), потому что иначе он бы никогда не понял, что *благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека* (Пс.117:8) (***). И это мы, воцерковлённые христиане, худо-бедно понимаем. А Пушкин что понимал под словом «добро»?

(*) Эти строки были написаны в 1826 году. Тем, кто называет Пушкина пророком, предлагаю прибавить к этой цифре весьма краткий для пророческого взора срок – 100 лет. Получится 1926, почти 1927 год, названный в советской истории «годом великого перелома». Перелома чего? Как теперь очевидно, перелома хребта русского народа. Выходит, обманула «пророка» его надежда.

(**) Ниже перечислены стихи Псалтыри, где церковно-славянское слово «благо» заменено при переводе на русский язык словом «добро». Пс.13:1, Пс.33:15, Пс.34:12, Пс.35:4, Пс.35:5, Пс.36:3, Пс.36:27, Пс.37:21, Пс.38:3, Пс.48:14, Пс.51:5, Пс.52:2, Пс.52:4, Пс.108:5, Пс.111:5, Пс.118:66, Пс.124:4. Спрашивается, зачем нужна эта замена? Чтобы поскорее забыть слово «благо» и сделать против него в словарях пометку «уст.», т.е. устаревшее?

(***) В русском переводе слово «благо» заменено в этом стихе словом «лучше»: лучше надеяться на Господа... Тот же вопрос: зачем эта замена?

Весьма показательный пример того, как происходила замена Божественного блага по-своему понимаемым добром, даёт следующая пушкинская запись. «1 янв.<аря> Петр обедал у кн. Менш.<икова>; вечером, при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надп.<исью>: *"Господи, покажи нам пути твоя"*, т. е. господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом - столб с ключем и шпагой, с надп.<исью>: *"Иде же Правда, там и помощь божия"*. Однако бог помог не нам», - написал Пушкин в своей «Истории Петра» за 1711 год (прописные и заглавные буквы и курсив так расставлены в тексте, по-видимому, издателями, а, может, и самим Пушкиным).

Фейерверк и звезда вместо креста, и видоизмененный псаломский стих: *Настави мя Господи на путь Твой* (Пс.85:11), который Пушкин (не важно: сам ли, или повторяя кого-то) восхитительно толкует: покажи нам дорогу в Турцию. Так чей же, спрашивается, путь вы хотите видеть, *господа*? Божий? Или свой собственный путь, названный вами Божиим?

Читая эти перевертыши, поневоле думаешь, что если бы и написал Пушкин в посвященных Петру «Стансах» примерно так: «В надежде Божией славы и Божьего добра / Гляжу вперед я без боязни», как написал он «Велению Божию, о муза, будь послушна», то и в этом случае не избежал бы вопросов о том, что он понимает под словом «Божий»? Какого Бога разумеет он под словом «Бог»? Но поэт таких стансов не написал, зато написал Достоевский, что первые слова этого, посвященного императору Петру, пушкинского стихотворения «можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности».

Антинациональные речи

(неверующим советуем их не читать, чтобы не соблазняться)

Слово «национальный» нынче привольно гуляет по территории зоопарка СМИ. Поначалу я был привлечён его зычностью, а потом стал недоумевать, о какой нации идёт речь? И лишь недавно узнал, что оно значит. И знаете, от кого? От милейшего Ивана Сергеевича Тургенева. В речи по поводу открытия памятника А.С.Пушкину в Москве (*) Тургенев проговорился: «Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера?» Проговорившись, Тургенев в ту же ночь уехал в Баден-Баден. (**)

Итак, национальный, значит всемирный. (***) У-у, какой зловещий смысл для нас, верующих, это слово, оказывается, скрывает. В самом деле, слово «национальный», сказанное в Америке, будет означать «американский»; сказанное в Австралии, будет означать «австралийский»; сказанное в России, будет означать «российский». Оно значит всё и в то же время ничего. Его значение зависит от смысла, какой в него вкладывают слышащие. А для тех, кто стоит выше всякой национальности, оно значит именно то, что сказал И.С.Тургенев – всемирный.

Когда же наполнилось это слово таким смыслом? В благочестивом 19-м веке? Или 19-й век лишь снаружи был благочестив, а внутри был антихристианским, как повапленный гроб, с которым сравнивает Господь фарисеев и книжников, говоря: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф.23:27).

(*) Опять Пушкин. Кругом сплошной Пушкин.

(**) Простите, читатель, вспоминаются потешные анекдоты от Хармса. Например, такой. «Однажды Гоголь написал роман. Сатирический. Про одного хорошего человека, попавшего в лагерь на Колыму. Начальника лагеря зовут Николай Павлович (намек на царя). И вот он с помощью уголовников травит этого хорошего человека и доводит его до смерти. Гоголь назвал роман «Герой нашего времени». Подписался: «Пушкин». И отнес Тургеневу, чтобы напечатать в журнале. Тургенев был человек робкий. Он прочитал рукопись и покрылся холодным потом. Решил скорее ее отредактировать. И отредактировал. Место действия перенес на Кавказ. Заключение заменил офицером. Вместо уголовников у него стали красивые девушки, и не они обижают героя, а он их. Николая Павловича он переименовал в Максима Максимовича. Зачеркнул «Пушкин» и написал «Лермонтов». Поскорее отправил рукопись в редакцию, отер холодный пот со лба и лег спать. Вдруг среди сладкого сна его пронзила кошмарная мысль. Название. Название-то он не

изменил! Тут же, почти не одеваясь, он уехал в Баден-Баден». «Пошляк одесский ваш Хармс, - без всякого смеха ответили серьёзные читатели на этот анекдот, - и одесситы его очень любят». «Конечно, пошляк, - ответил автор, - но надо было ещё в 19-м веке посмеяться над великой российской литературой, чтобы теперь не плакать над собой».

(***) Вернитесь, читатель, к статье Ильина. Помните, мы галочку ставили против выделенного философом выражения: «*свой национальный символ веры*»? Зачем выделены Ильиным эти слова курсивом? Страшно подумать, что «национальные» писатели (сознательно или несознательно – это другой вопрос) давно уже, с 18-го века пишут свой всемирный символ веры.

Сравнивая 19-й век с ~~по~~влеченным гробом, надо уточнить, что мертвечиной неверия он был наполнен более сверху, чем снизу, т.е. внизу гроба мертвых костей было меньше. Но нечистота, стекавшая сверху вниз, заражала неверием весь народный организм. Поэтому, когда мы читаем слова Достоевского о том, что «наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы», то надо каждый раз уточнять, что слово «наше» относится к верхнему слою российского общества. Надо понимать, что перечисляемые Достоевским «наша вера», «наша русская самостоятельность», «наша сознательная надежда» и «наши народные силы» как некое ноу-хау принадлежали именно ей, образованной верхушке общества, и ею уже выдавались за всенародные «веру» и «надежду» без всякого на то основания. Можно даже сказать, что вера, возвещённая «пророком» Пушкиным, была подхвачена «верхами», обоснована и закреплена интеллигенцией, а затем была спущена вниз и навязана трудовому народу

«Что я слышу? - всплеснёт руками читатель. - Воинственную марксистско-ленинскую фразеологию. Батюшка вбивает клин между Пушкиным и русским народом! Мало ему было клиньев между дворянством и простонародьем, между буржуазией и пролетариатом, между красными и белыми, теперь он хочет по основе всех основ – по вере – русский народ разделить».

Дорогой читатель, революционная фразеология это всего лишь пародия на Евангельские истины. Христианин – воин Христов. Неужели вы этого не слышали? Неужели не знаете о непрестанной духовной брани, к которой призван каждый верующий во Христа? Неужели вновь цитировать Священное Писание о том, что *несть наша брань противу крови и плоти: но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф.6:12)? Воевать, так воевать. Но необходимо уточнить, что не к Пушкину и Достоевскому наша брань, а к их идеям, а ещё точнее – к бесам, эти идеи им продиктовавшим.

Что же пугает? Что страшного в том, если вероучительное разграничение между «верхами» и «низами» или, прямо говоря, между верующими и неверующими во Христа христианами будет, наконец, проведено? И это необходимо сделать, потому что вопрос ставится уже не о земных ценностях, не о месте под солнцем в социалистическом или капиталистическом раю, вернее сказать, не возникло бы самого этого вопроса, и не было бы никакой революции, если бы тогда ещё, в 19-м веке были отделены верующие от неверующих, и вера последних была бы названа ложью. А нынче вопрос стоит уже о вечном спасении и о вечной гибели. Чего же медлить? Чего ещё ждать? Окончательного краха? Не советского только, но русского всенародного краха?

Знаю, что пугает. Страшно назвать многовековую национальную гордость (*), т.е. русскую литературу льстивым мечтанием, а её гениальных писателей – сочинителями пустых басен, как об этом говорится в Евангелии: *Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; (**)* и от истины отвергнут слух и обратятся к басням (2Тим.4:4).

«А как же язык? - ужаснётся читатель. - Как русский язык переживёт разлуку со своей литературой?»

Вы о языке беспокоитесь или о тех, кто им пока ещё владеет? Что толку переживать о языке, когда вопрос стоит о существовании народа? Теряя голову, плакать ли по волосам? (***) А русский язык, если хотите знать, стал великим только благодаря церковно-славянскому языку. Церковно-славянский язык – корень, его надо беречь. Церковно-славянский язык – кость, на которой, как говорит пословица, мясо нарастёт, была бы кость цела. (****) Без церкви, без церковно-славянского языка не будет ничего: ни русской культуры, ни русского народа, а вы о какой-то литературе переживаете?

(*) И эта гордость третье столетие сбивает нас с Божьего пути.

(**) В церковно-славянском переводе это выражение звучит так: *но по своим похотех изберут себе учителя, чешем слухом*. Выражение «чешем слухом», значит, ласкаемы, щекочимы слухом.

(***) «Русскость Пушкина, Гоголя, Достоевского – долой! На смену им непременно придут со своей «истинной» одесской русскостью и уже пришли Хармсы, Кедровы...», - ответили автору на его призыв. Что он ответил? Именно потому, что на смену церковной русской культуре пришли российские писатели Пушкин, Гоголь, Достоевский, теперь на смену им пришли Хармсы, Кедровы и телевизор».

(****) Конечно, корнем и костью, вернее, камнем всего является Сам Господь, Податель Церкви и языка.

Что же? Назовём ли вслед за Достоевским выдуманные истории наших великих литераторов «правдой бесспорной и осязательной»? Будем ли по-прежнему восхищаться татьяной лариной и братьями карамазовыми, замещая живых русских Святых вымышленными литературными героями? Будем ли, помня Святых и украшая им гробницы, подражать не им, но рахметовым и базаровым, а нынче уже не им, но пошло-тупым американским киногероям и поп-звёздам? Хотим ли мы так жить? А если не хотим, то давайте разбираться, откуда беда началась? Откуда и почему началось у нас это не просто пустое, но именно пагубное для души подражание, когда вместо спасительных живых примеров Святых (*) нам стали подсовываться в образцы мёртвые литературные герои? Откуда? Да вот отсюда: «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и следовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни».

Так и хочется воскликнуть: слава Пушкину, великому учителю виртуальности! Кстати, вышеупомянутая речь Тургенева этой мыслью и заканчивается: «Будем также надеяться, что в недалёком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин! - и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник - учителю!» (1880).

Памятник учителю? По прошествии 130 лет спросим себя откровенно: чему хорошему научил Пушкин «сыновей нашего простого народа», когда они, как предсказал Тургенев, поняли-таки, что значит это имя? Во-1-х, он научил их читать выдуманную литературу вместо Священного Писания и Житий. (**). А во-2-х, подражать американским киногероям, когда те превзошли советских героев виртуальной силой.

(*) «Святые не разговаривали тоном агитаторов, организаторов, пропагандистов и голосом матросов революции: «слазьте, кто тут временные...», - справедливо заметили автору. Что отвечать? Только одно. Простите меня, читатели, за мой матросский тон. Но я не могу совладать с собой. Я не могу последовать примеру святых, пока не освобожу их образы от позднейших наслоений. Так иконописцу, чтобы снять с первоначального изображения написанный поверх него слой живописи, потребны уксус и чеснок. А ещё скажу, что иной гнев бывает много добрее похвалы и равнодушия.

(**) «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением. Это сказал Пушкин», - заметили автору читатели. Ну и что? Прочтите целиком пушкинскую статью «Заметки по русской истории 18-го века», где им были написаны эти слова, и вы удивитесь, как они вообще были им написаны. В этих «Заметках» вы встретите, например, и такие слова: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Шишковского в темницу». И потом, если Пушкин сказал про монахов как про учителей, то Тургенев назвал своим учителем не монахов, но Пушкина. А следующий за Тургеневым поэт уже сам себя пророком и учителем провозгласил. Нетрудно догадаться, кто придёт за поэтом Есениным, и что он провозгласит.

И чтобы уже до конца раскрыть всем глаза на свои коварные антинациональные замыслы, вспомню сказанную Господом притчу о злых виноградарях. Она была произнесена Им в последние дни земной жизни, в Великий вторник. Помните? *Человек некий бе домовит, иже насади виноград...* (Мф.21:33). Сперва были побиты и убиты все посланные от хозяина к виноградарям слуги, а затем и самый сын его. *Они же тяжателе реша к себе, яко сей есть наследник: приидите, убием его и наше будет наследство* (Мк.12:7). *Виноградари сказали друг другу: это наследник; пойдём, убьём его, и наследство будет наше.*

«Как?! - вознегодует читатель. - Сравнить наших великих писателей с иудейскими книжниками вплоть до убийства Сына Божия? Это уже чересчур. Можно, конечно, обвинить литературу в грехе празднословия. Но обвинять писателей в Богоубийстве? Это вы, батюшка, хватили лишку».

А я говорю вам, что это именно тот случай, когда художественная литература до такой степени возобладали в умах и сердцах людских, что готова была подменить собой, особенно в верхних образованных слоях общества, и подменила-таки Евангельские истины. А разве такая подмена не равнозначна убийству Господа? Разве не завладели российские литераторы, как *приточные тяжателы*, принадлежащим Богу виноградником людских душ, и разве не пользовались они им для себя вместо того, чтобы приносить Ему *плодов из виноградника* (Лк.20:10)? Заключил же Господь Свою притчу словами: *Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших?* (Мф.21:42).

О каком камне речь? Камень этот есть воплотившийся Христос Бог. Почему же он назван дивным? Потому что те из строителей, то бишь литераторов-каменщиков, писателей-художников и прочих инженеров-менеджеров человеческих душ, *кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Мф.21:44). Воистину, нет удивительнее Камня.

Заметим ещё, что в словаре масонских терминов сказано: «Камень – один из основных масонских символов, означающий душу человека. По масонской фразеологии «обтесывать свой камень» означает самосовершенствоваться».

Мы уже говорили, что масонская фразеология, а также марксистско-ленинская и все другие фразеологии пародируют Евангельские смыслы и знаки. Предельно обобщенно можно сказать так. Все слова пародируют Слово Божие, т.е. каждое по-своему передразнивают Его, когда хотят что-то из себя соорудить помимо Него или якобы сверх Него. Все догмы и теории, системы и учения, которые дают будто бы новое знание, на самом деле являются опасными для здоровья подделками Евангельской истины.

Масонский образ «камня-души» тоже взят из Священного Писания и тоже подделан. Потому что, если для христианина сей дивный камень это – Сам Господь, о чём говорит и Он, и Пророк Исаия (*), и Пророк Даниил: *камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото* (Дан.2:45), то масоны сравнили с ним душу человека.

Впрочем, православие, как основание всех символик, хорошо знает и это сравнение. *Потому не могли они верить, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое...* (Ин.12:39-40). О ком это сказано? Об одних ли только иудеях и масонах? Не о моём ли окаменелом сердце, которое тоже не может верить так, чтобы сказать горе сей: *прейди отсюда тамо, и преидет* (Мф.17:20)? Не о моей ли окаменевшей душе, которая будь она живой и истинно верующей, то не знала бы ничего невозможного, сказаны эти слова Пророком Исаией?

В семинарской среде бытует забавная головоломка: может ли Бог создать такой камень, который Он не сможет сдвинуть? В чём суть загадки? Если созданный Богом камень Он не сможет сдвинуть, значит, Он не всемогущ. А если сможет сдвинуть, значит, Он не может создать несдвигаемого камня. В любом случае Бог оказывается не всеильным. Как же разрешить этот парадокс?

Созданный Богом и неподвластный Ему камень это – человеческое сердце. Бог создал великое множество людских сердец, но ни одно из них Ему не под силу. Однако главный парадокс даже не в этом, а в том, что само сердце тоже не может себя сдвинуть. Бог не может, и человек не может. Кто же может направить к свету лежащее во тьме человеческое сердце? Бог общается с человеком. Никакой самый гениальный учитель не сможет ничего сделать с человеком, ни тем более сам человек не сможет с собой справиться, если ему не будет дарована Божия помощь, или благодать, которая тогда только начинает действовать в нас, когда она ставится *во главу угла* (Пс.117:22). Бог создал нас без нас, но спасти нас без нас Он не может. Поэтому всемогущий человек должен протянуть свои руки к всемогущему Богу, чтобы быть спасённым.

«Отыми сердце каменное от плоти *на*шей, и даждь сердце *плот*яное боящееся Тебе, любящее, почитающее, Тебе последующее и Тобою питающееся», - молится Святитель Амвросий Медиоланский.

Господь Иисус Христос – главный Каменщик моей души. Впрочем, в русских условиях сподручнее мыслить в деревянных стройматериалах: брёвнах, досках, чурбаках... Моя душа – полено, Иисус Христос – плотник. Если хочешь, строгай, Господи! (ср. Мф.8:2)

(*) *Сего ради тако глаголет Господь: се, аз полагаю во основание Сиону камень многоценен, избран, краеуголен, честен, во основание ему, и веруяй в онь не постыдится* (Ис.28:16). О том, как можно верить в камень, рассказано в 15-ой главе.

Сын блаженного послушания

Но дослушаем Достоевского, говорящего о третьем периоде пушкинского творчества. «Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его».

Как жемчужина растёт вокруг крупы, так цельность не может возникнуть из каши. Поэтому зададим Федору Михайловичу вопрос: что же было той крупой, на которой выросла жемчужина пушкинской целокупности? На каком стержне держится его гармония? Отличительную черту пушкинского творчества Ф.М. отметил так: «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить». И это мы очень хорошо запомнили. Но что значит «схвачен»? Из слов Ф.М. можно подумать, что писатель хватается за образы, как кот мышей. На самом деле, всё наоборот: мышкой бегают писательская душа, а духовные образы хватают и пленяют её.

О том, кто кого хватается, мы говорили в «Цыганском таборе». Духовный мир овладевает душой человека. Слишком самонадеянно с нашей стороны думать: «мы думаем». О привнесённости мыслей извне говорит само это выражение: «мысль пришла в голову». Стало быть, всякий, кто понимает, что он существует не сам по себе, но поставлен на ступеньках спущенной от Бога лестницы, должен спросить пришедшую к нему в голову мысль точно так, как Иисус Навин спросил незнакомца: *наш ли еси, или от сопостат наших?* (Нав.5:13). Должен испытать, откуда пришла эта мысль. От своих или от чужих? От ангелов или от аггелов? От помощников или от врагов нашего спасения? Всё это нужно хорошенько разузнать, а потом уже ответить: да или нет.

Федор Михайлович, конечно, понимал, что та или иная идея, вдруг возникающая в наших головах, есть результат соприкосновения человеческого ума с миром духовных сил. Он отлично понимал эти вещи, раз говорил о борьбе дьявола с Богом. «Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Эти слова Достоевского вместе со словами «мир спасёт красота» сделались расхожими. Тем, кто их к месту и не к месту цитирует, полезно чаще заглядывать в их контекст. «Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, - знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей. А впрочем что у кого болит, тот о том и говорит». Так «Дмитрий Карамазов» говорит «Алёше

Карамазову». Том 1, часть 1, книга 3, глава 3 «Исповедь горячего сердца. В стихах». А слова «мир спасёт красота» сказаны «князем Мышкиным» в «Идиоте». Часть 3, глава 5.

Но мы опять ушли в сторону. Перед нами отмеченная Достоевским особенность двух произведений Пушкина – «гордый человек». Может, эта особенность и является ключевой мыслью всего пушкинского творчества? Конечно, Ф.М. упорно старается смирить героев-гордецов Алеко и Онегина и силится доказать, что в призыве ко смирению кроется разгадка пушкинского творчества, но ничего убедительного у него не выходит, во всяком случае, меня доводы Ф.М. не убеждают. Гордость проникает целокупный пушкинский организм.

Мы уже приводили в сноске слова К.Кедрова о том, что «когда речь идет о масонстве Пушкина или позднее Блока, следует понимать, что это чисто эстетическая причастность к новой символике. Представить себе Пушкина или Блока в роли покорных учеников у какого-нибудь мастера ложи, который и в подметки им не годится, невозможно, да и не нужно». Многократное цитирование нами этого автора вовсе не означает нашего с ним согласия. Просто первое, что попало в интернете по запросу «Пушкин масон», была эта статья Кедрова. Мы цитировали её в качестве комментариев, без всяких замечаний, хотя поводов для них автор даёт предостаточно. Например, вышеприведённые слова вызывают два возражения.

Первое. Что такое «чисто эстетическая причастность к новой символике»? Чисто эстетической причастности к чему-либо не бывает и быть не может. Всё «нечисто», всё замешано «на политике», т.е. на вопросе вечного спасения. *Кто не со Мною, тот против Меня*, поэтому даже в самой символике *кто не собирает со Мною, тот расточает* (Лк.11:23).

И второе. Самый тон, с которым написаны эти слова, обличает очередного гордеца пушкино-блоковского круга, только ростом пониже. Что значит «мастер ложи, который и в подметки им не годится»? Если ты пришёл в ложу за «высшим знанием», значит, ты должен проявить послушание уже потому, что мастер выше тебя «градусом». Это как в армии. Будь ты хоть Блок, хоть трижды Пушкин, ты должен слушать приказы командира и выполнять их. Когда будешь сам командиром, тогда будешь командовать другими. *Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его* (Лк.6:40).

В самом деле, разве может быть ученик больше своего учителя? И, кажется, что эти слова Господа легко понять, но попробуй понять их не умом, а на деле. Попробуй, придя в церковь, придя монастырь, придя в ту же ложу, от прихода в которую да уберёжёт (!) всех нас милостивый Господь, и куда точно приходиться не надо, потому что там глаза завязывают, попробуй смириться и отдать себя в послушание тому, кто тебе «в подметки не годится». Вот тогда-то всё и начнётся, тогда и ползет «гордый человек» изо всех щелей твоего целокупного организма.

Нецерковный человек понять этого не может, потому что он послушания не проходил. Нецерковный человек не может понять даже того, что словами про «подметки» он не только своего гордеца выставил напоказ, но вместо похвалы объявил масонам Пушкину и Блоку выговор в непослушании и публично их обличил. Но чтобы нам хоть теоретически узнать, что такое послушание, обратимся от поэтов и выдуманных литературных героев к живому примеру, святому Иоанну Дамаскину († 4/17 декабря ок.780). О, это вам не Пушкин.

«Преподобный Иоанн Дамаскин творец Октоиха и 64-х канонов, из которых самый возвышенный, торжественный и светлорадостный канон на Святую Пасху. Святым Иоанном Дамаскиным составлена вся Пасхальная служба, после которой в образцах человеческого творчества нельзя найти другой песни, более полной чувствованиями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество

Христово, Богоявление Господне, Вознесение Господне со стихирами приближаются к Пасхальному. Воскресные службы его столько же превосходны по поэтической силе, сколько и по догматическому содержанию. Замечательны также его антифоны и песни надгробные – образцовые и трогательные песни кающейся души. Все они вошли в последование погребения усопших и употребляются в Православной Церкви до настоящего времени. Вообще Дамаскин – такой песнописец, выше которого ни прежде, ни после не было в Церкви. Кроме песнопений, святой Иоанн Дамаскин прославился своими богословскими сочинениями, которые дают ему почетное место между великими отцами Церкви. Трех главнейшим своим сочинениям: диалектике, книге о ересьях и изложению веры, совершенно различным по предмету, он дал одно общее название «Источник знания». Важнейшим из них является «Изложение православной веры», составляющее стройное и последовательное учение о созерцательных истинах Откровения, ставшее образцом для богословов восточных и западных. Наконец, важную услугу Дамаскин оказал чину богослужения, пересмотрев и дополнив устав Иерусалимский, составленный преподобным Саввою Освященным, и составив месяцеслов».

Нет, Дамаскин решительно не Пушкин, но даже своего великого Иоанна Дамаскина святая Церковь не назвала пророком, а только «златоструйным песнописцем». Как же этот святой муж проходил послушание у того, кто ему «в подмётки не годился»?

Старец-престец, принявший в свою келию Иоанна, который при вступлении в Лавру святого Саввы оставил министерскую (!) должность при дворе калифа, «положил ему такие правила, чтобы Иоанн не имел в уме своем ничего мирского; не только не представлял в воображении каких-либо неприличных образов, но хранил бы ум свой неприкосновенным и чистым от всякого суетного пристрастия и пустой гордыни; чтобы не хвалился своей мудростью и тем, чему научился, и не думал бы, что может постигнуть все в совершенстве до конца; чтобы не домогался каких-либо откровений и познания сокровенных тайн; не надеялся бы до конца жизни на то, что разум его непоколебим и не может согрешить и впасть в заблуждение; напротив, пусть знает, что помышления его немощны и разум может погрешить, а поэтому пусть старается не допускать рассеиваться помышлениям своим и пусть заботится сосредоточить их воедино, чтобы таким образом ум его просветился от Бога, душа освятилась, и тело очистилось от всякой скверны; пусть тело и душа его соединятся с умом и будут три во образ Святой Троицы». Старец также запретил Иоанну, широко известному всему Греческому царству своими писаниями в защиту иконопочитания, всякое писательство.

Но однажды случилось Иоанну провиниться. По неотступным просьбам лаврского инока, скорбевшего об умершем брате, он написал надгробные тропари, за что Старец выгнал Иоанна из келии и наложил на него епитимию, сказав, что если он хочет получить прощение за свое непослушание, пусть очистит своими руками проходы всех келий и вымоет все смрадные места в лавре. Что же Иоанн? «Он начал с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена Пречистою Богородицею. О, глубокое смирение чудного мужа и истинного послушника! Умилился старец, увидав такое смирение Иоанна, и, придя к нему, обнял его и целовал голову, плечи и руки его, говоря:

- О, какого страдальца о Христе сделал я? Вот истинный сын блаженного послушания!

Иоанн же, стыдясь слов старца, пал ниц перед ним, как перед Богом, и, не превозносясь похвальными речами отца, но еще больше смиряясь, молил, чтобы он простил прегрешение его. Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келию. Иоанн так обрадовался сему, как будто ему возвратили рай, и жил он со старцем в прежнем согласии».

Вот такая непридуманная история истинного послушания. А вы говорите: целокупные подмётки...

Перевоплощайтесь!

Нерв пушкинского творчества – гордость. Вернее сказать, она – крючок, за который Пушкин был зацеплен бесом, и на который попеременно стали цепляться маски то грустные, то смешные, как в театре. Кстати сказать, суть лицедейства в том и состоит, чтобы скрыть порок, потому что добродетели скрываться незачем. Театр придумал главный лжец, потому что истинного своего лица он показать не может.

Когда лгун легко признавался, что он лгун? Или жадина, что он жадина? Или блудник, что он блудник? Они до последнего готовы прикрывать себя пристойными масками цветистых фраз: «срывать цветы удовольствия», «попользоваться насчёт клубнички». Но только через боль и стыд «обрезания», т.е. в Таинстве покаяния происходит очищение от страстей и грехов. И приступая к Таинству, нужно все маски снять, потому что ты пришёл к Богу, твоему Создателю, видящему тебя насквозь.

Однако подивимся, какие другие черты помимо «смирения», характерного для 1-го и 2-го творческих периодов, подметил Достоевский у возросшего годами целокупного Пушкина? «Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении».

Латинское слово «гений» помимо 1) «высшей степени одарённости», означает также 2) «в древнеримской мифологии духа-покровителя, сопровождающего человека в течение всей жизни и руководящего его действиями и помыслами; позже – вообще доброго или злого духа». Воплотить гений народа, значит, воплотить дух, который покровительствует народу? Если мы правильно поняли Достоевского, то высшей похвалы поэту, быть уже не может. Ибо то, чего желает достичь, как заветную цель, каждый национальный певец – воплотить в своих произведениях дух своего народа – достигает поэт Пушкин. После похвалы в «смирении» другая, ещё более «скромная» похвала достаётся «пророку» Пушкину от Достоевского.

«Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. (Поверим на слово прожившему за границей постоянно и наездами около шести лет, - Г.С.). Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из "Фауста", вот "Скупой рыцарь" и баллада "Жил на свете рыцарь бедный". Перечтите "Дон-Жуана", и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме "Пир во время чумы"! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами: «Наших деток в шумной школе / Раздавались голоса», - это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой...»

Опять в путь? Опять не сидится этим странным людям в указанном от Бога углу: в дворянском имени, в избе, в келии, в квартире... Почему их, если не телом, так умом по всему миру носит? Почему? Потому что они оторваны от Бога.

Они – оторванные от Бога скитальцы, но ведь и мы от Бога оторваны. И мы в этой жизни – странники. *Яко пресельник аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс.38:13), - плакал Пророк Давид. В чём же разница? Разница в том, что странствие *погибших овец дома*

Израилева (Мф.15:24) – временное, тогда как странствие овец, которые своей погибели, т.е. греховности не хотят видеть, может стать вечным. (*)

Господь тоже странствовал. (**) Ему даже для рождения не нашлось места в человеческом жилище, и родился Он в вертепе, среди странников, пастухов и мудрецов, приведённых странной звездой к Богомладенцу. Он Сам, как Пастырь, ходил по земному пастбищу, собирая рассеянное стадо *погибших овец дома Израилева*, т.е. слышащих и хотящих слышать спасительный голос Бога и своей с Ним со-вести. Господь странствовал потому, что Он был на землю послан. Сыновней трапезой было исполнение Отцовской воли. *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин.4:34). Стало быть, бессмертной трапезой всякого верующего является познание и совершение воли Божией. Весь вопрос в том: как её познать и совершить?

(*) «А кто вам сказал, что Пушкин и Достоевский не хотели видеть своей греховности? Кувалдой по клавишам бьете», - сказали автору. Что вы, читатель? Такого я нигде не говорил, но хорошо, что вы мне об этом заметили, хорошо, что выправляете мой удар. Значит, опять нужно подчеркнуть, что я говорю не о людях, но об идеологах; не о личной жизни, но о текстах; не о плоти и крови, но о духах-руководителях.

(**) «Странствия Владычня и бессмертные трапезы на горнем месте высокими умы, вернии, приидите насладимся...». Признаюсь, многие годы думал, что здесь, в ирмосе 9-й песни канона Великого Четвертка говорится о странствиях Господа, не имевшего на земле места, *где главу поклонити* (Лк.9:58). Но, оказывается, под словом «странствия» разумеется «гостеприимство» Владыки, о чём говорит продолжение ирмоса: «бессмертные трапезы». Т.е. накрытой на горнем месте – в Небесной Сионской горнице гостеприимной вечной трапезы приглашает насладиться верных содержание этой песни. В чём сладость Господней трапезы? Это надо у святых спрашивать, например, у Симеона Нового Богослова. «Истинно слово всяко Владыки и Бога моего: Божественных бо причащайся и Боготворящих благодатей, не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир». И каждое слово этой молитвы говорит о сладости и бессмертии Христова гостеприимства.

Воля Божия была возвещена Адаму: воздělывай рай и не вкушай плодов запретного древа. *И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы воздělывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт.2:15-17).

И для потомков Адама воля Божия остаётся прежней: воздělывай сад своей души и не вкушай плодов от древа познания добра и зла, потому что – не время. Но придёт час, когда эти плоды Господь Сам протянет тебе. Это значит, что для исполнения воли Божией, не нужно ничего искать. Душа человека всегда под его рукой – воздělывай. И запретное древо посреди души стоит (*ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - все это зло извнутри исходит и оскверняет человека* (Мк.7:21-23)) – не вкушай. Чего же ты, мятежный, ищешь? Чего не хватает суетным человекам? Потерянного рая? Он – внутри тебя. Когда найдёшь его в душе и восстановишь мир

с Богом, тогда весь мир станет раем. Поэтому от всех душевных странствий избавляет Господь тех, кто пристал к Его Церкви – несокрушимой скале посреди житейского моря.

Однако возникает вопрос. Как различить вкус плодов добра и зла, если нельзя прикоснуться к дереву, на котором они растут? Этот вопрос, даст Бог, рассмотрим позже, а пока продолжим чтение книг льстецов, которые предлагают *научения странна и различна* (Евр.13:9), т.е. познание добра и зла через незаконное вкушение плодов запретного дерева.

«Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой...» Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, - но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков Реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили».

Если описанные Достоевским впечатления от стихотворения Пушкина переживались им действительно так, как он пишет, т.е. «не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили», то, признаюсь, что делать такие открытия о православном писателе Достоевском, всё равно что наготу своего отца открывать. Но ведь он сам себя публично обнажает, сам признаётся в том, что неприлично признавать, и не видит в этом никакого неприличия, напротив – восторг и ликование.

Мне неловко за писателя Пушкина, неловко за писателя Достоевского, почитаемых православными. Но будем надеяться, что в этих своих признаниях Достоевский оказывается больше, чем когда-либо писателем, то есть жонглёром красивых фраз. И этим предложением прикроем сей стыд. Что же касается стихотворения «Странник», то вновь обратимся к К.Кедрову. «Если же смотреть непредвзято, станет ясно, что вся поэзия Пушкина насквозь пронизана масонской символикой. Он был масоном с юности и оставался им до конца своих дней. \...\ One из последних стихотворений поэта «Странник» все пронизано символами, над которыми размышляет ищущий высшего знания. Замечательные стихи, предсказывающие уход Льва Толстого из Ясной Поляны, не стали популярными».

Вот и встали они рядом, да и не могли не встать: Пушкин, Толстой и Достоевский, восторженно размахивающий «Странником». Написанное незадолго до смерти, в 1835 году, стихотворение, и впрямь, предсказывает бегство Толстого из Ясной Поляны. Но не потому ли предсказывает, что писательские итоги обоих художников, Толстого и Пушкина, одинаковы? Бегство из родного дома, бегство из религиозного дома, т.е. из Православной Церкви, бегство от Бога... Порядок перечисления бегств должен быть, конечно, обратным, поскольку начинается всё от Бога. Но куда от Бога бежать? Только в вечное скитание, в замкнутую в самой себе масонскую восьмёрку, означающую бесконечность.

Но оставим желающим рассмотрение пушкино-достоевско-толстовских связей, заодно и разгадывание масонской символики, пронизывающей «Странника». Протестантские ли они, как говорит Достоевский, или масонские, как говорит Кедров, нам уже без разницы: эти стихи и эти связи – безбожны. Тем же, кто стоит на спасительном якоре Православной веры, к чему странствовать по пустым вымыслам, фантазиям и символам? Однако дочитаем Пушкинскую речь, раз уж взялись.

«Кстати: вот, рядом с этим религиозным мистицизмом, религиозные же строфы из корана или «Подражания корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух корана и меч его, простодушная

величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца».

Как не хотелось мне пачкать своих заметок непристойностями, как не берёгся я от неприличных выражений, но приходится их употреблять. Огонь реформации, меч корана, египетские ночи, земные боги... Тьфу, экуменизм какой-то! Ну, а каким ещё словом назвать эти собранные здесь воедино разности? Только экуменизмом. (*) И это ругательство для православных христиан должно быть неприличнее, чем «сладострастие пауковой самки, съедающей своего самца».

(*) Слова «экуменизм», «экономия», «экономика», «экология» – однокоренные и происходят от греческого слова «оикос» – дом. Почему же начальные буквы «ои» заменились звуком «э»? Этот вопрос надо задать книжникам. Они используют несколько систем произношения греческих и латинских букв, среди которых «экуменизм» – только один из вариантов. Он равен с такими, например, вариантами: ойкуменизм, икуменизм, ёкуменизм. Выберите, читатель, какой вам нравится.

Но сделайте же вывод, Федор Михайлович. Не тяните, уже нет сил читать Ваше ёкуменичество. Протестантство, мусульманство, языческое сладострастие... Скажите, зачем всё это нужно православному человеку?

«Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк».

И в этом маскараде – пророчество? В этом балагане – народность? В этих «перевоплощениях своего духа в дух чужих народов» – национальная русская сила? В этом «великое грядущее назначение» русской силы, чтобы «перевоплощаться вполне в чужую национальность»? Я уже ничего не понимаю, Федор Михайлович, Вы это серьезно? Да Вы ли это говорите? Может, уже не Вы? Может, один из сочинённых Вами злодеев вытаскивает через Вас на Божий свет весь этот бред?

Вывод выходит страшнее самих речей. Оказывается, русскость по Достоевскому заключается в почти совершенном перевоплощении своего духа в дух чужих народов. (*) Читатель, скажите, что я не прав. Одёрните меня, осадите, окатите ведром холодной воды. Это русский-то человек станет перевоплощаться? Это Сергей Радонежский стал бы примерять на себя чужую национальность? (**) Или Александр Невский, ответивший папе, что веру отцов знает без папы, стал бы, подобно Пушкину, (***) воображать себя то сектатором, то дон жуаном, то мусульманином? Что за бред? Да и как это возможно, чтобы дух одного человека стал бы в дух другого человека воплощаться? Или, может, русский крестьянин, весь отданный

во власть земли (****), стал бы наряжаться во всемирность и всечеловечность? Да он слыхом не слыхивал, что это такое. Незачем ему, да и некогда этими барскими глупостями заниматься.

А, кстати, что это такое? Может, это та самая всечеловечность, о которой говорит Апостол Павел, что *будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его* (1Кор.9:19-23). Может, для того нужна всемирная русская отзывчивость «в изумляющей глубине её», чтобы, подобно Апостолу Павлу, всем себя поработить и стать для всех всем, и через это приобрести Христу хотя бы некоторых?

О, если бы это было так. Я бы ниц упал перед Достоевским, как упал Иоанн Дамаскин пред своим Старцем. Но ведь это не так. Не так. А почему? Да потому что Христа Достоевский, молчу уже о Пушкине, понимает далеко не по-Апостольски, но по-своему. По-своему? Это как? Перейдём в другую главу.

(*) «Именно так. Един Адам. Едино человечество», - возразили автору. И я бы согласился с этим возражением, если бы Достоевский сказал о перевоплощении в дух нового Адама, но ведь он сказал о перевоплощении в дух чужих народов. Неужели не слышите разницу?

(**) «Это вы говорите «примерять», это вы все спешите опозлать. Преподобный Сергей слышал и видел глубины всякого человека. Вот и всё», - сказали автору. Нет, не всё. Я сказал «примерять», но ведь Достоевский сказал ещё страшнее: «перевплощаться вполне в чужую национальность».

(***) Генеалоги утверждают, что великий благоверный князь Александр Невский и Александр Пушкин – родственники. О подобном родстве говорит Иоанн Креститель: *И не начинайте глаголати в себе: отца и мамы Авраама: глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо* (Мф.3:9,10).

(****) «Власть земли» – замечательный очерк печального Глеба Успенского. Не читали?